

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ. СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Вызовы современности

Р.И. Соколова Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-7-26 Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Статья посвящена такому новому явлению современности как реабилитации утопии, которая не приобрела еще широкого распространения, но является серьезным сиптомом кризиса цивилизации и в России, и на Западе. Показано, что попытки реабилитировать утопию связаны с ситуацией кризиса, неопределенности, непредсказуемости, вызванных происходящими трансформациями современной эпохи. Утопия в этих условиях является не только рефлексией существующего положения, но и содержит потенциал для выдвижения новых идей и снижения неопределенности. Наиболее проницательные исследователи как на Западе, так и в России демонстрируют позитивное отношение к утопии, т.к. видят те возможности, которая предоставляет утопия, особенно в периоды кризисов. Отмечается, что в России наблюдается преодоление негативного отношения к утопии, которое было связано с крушением социалистического строя. Краткое изложение истории утопии показывает, что утопия является значимым фактором истории, который сопутствует развитию человечества на всем протяжении истории. Несмотря на это в предшествующие десятилетия XX в. и начале XXI в. была объявлена «смерть утопии», которая была обусловлена идеологическими и политическими причинами, а в более широком контексте – глобализацией. Сделан вывод о том, что в настоящее время ее значение снова актуализируется в связи со сложной международной ситуацией. Поэтому и на Западе, и в России все больше заявляет о себе потребность в выдвижении идеальной перспективы существования человека в виде утопии, которая реализуется в некоторых работах ученых.

Ключевые слова: утопия, утопистика, цивилизация, неопределенность, идеология, глобализация, социализм, рационализм, кризис, идеал.

Соколова Римма Ивановна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН.

rimmsok70@yandex.ru https://orcid.org/0000-0002-2479-2810

Для цитирования: *Соколова Р.И.* (2019) Реабилитация утопии как симптом кризиса российской и западной цивилизаций // Философские науки. 2019. Т. 62. № 5. С. 7–26. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-7-26

Rehabilitation of Utopia as a Symptom of the Crisis of the Russian and Western Civilizations

R.I. Sokolova Institute of Philosophy Russian

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-7-26 Original research paper

Abstract

The article discusses such a new phenomenon of modernity as the rehabilitation of utopia, which has not vet become widespread, but it is a serious symptom of the crisis of civilization in Russia and in the West. It is shown that attempts to rehabilitate utopia are associated with the situation of crisis, uncertainty, unpredictability caused by the ongoing transformations of the modern epoch. Under these conditions, the utopia is not only a reflection of the existing situation but also an opportunity for the formation of new ideas and the reduction of uncertainty. Many astute researchers in both the West and Russia demonstrate a positive attitude towards utopia, as they see the opportunities offered by utopia, especially in times of crisis. It is noted that in Russia there is a gradual overcoming of the negative attitude to utopia, which was associated with the collapsed socialist system. A summary history of utopia shows that utopia is a significant factor in history that accompanies the development of mankind throughout history. Despite this, in the earlier decades of the 20th century and the beginning of 21st century the "death of utopia" was declared, it was driven by ideological and political reasons and by globalization in general. Meanwhile, at present its importance is again actualized in relation to the complex international situation.

Р.И. СОКОЛОВА. Реабилитация утопии как симптом кризиса российской...

Therefore, both in the West and in Russia there is a growing demand for the ideal concepts of the future of human existence in the form of utopia.

Keywords: utopia, utopianism, civilization, uncertainty, ideology, globalization, socialism, rationalism, crisis, ideal.

Rimma I. Sokolova – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow at the Department of the Philosophical Problems of Politics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

rimmsok70@yandex.ru https://orcid.org/0000-0002-2479-2810

For citation: Sokolova R.I. (2019) Rehabilitation of Utopia as a Symptom of the Crisis of Russian and Western Civilizations. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 62, no. 4, pp. 7–26. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-5-7-26

Введение

Куда движется Россия в быстро меняющемся мире, как эволюционирует ее государственность, каковы ценности, мечты и идеалы? Какого-либо цельного и вразумительного представления на этот счет нет ни у представителей власти, ни в интеллектуальных кругах, ни на уровне общественного сознания. Федеральные национальные проекты нацелены лишь на решение определенных тактических задач, а не на формирование концепций, направленных на целевое развитие общества, на движение к определенному социально-нравственному идеалу. Такая ситуация вполне объяснима: слишком много проблем и противоречий накопилось во всех сферах жизнедеятельности российского государства из-за кардинальных преобразований и переоценки всех значимых его констант. До сих пор не преодолены также проблемы культурногосударственной идентичности, которые препятствуют консолидации общества и выдвижению какого-либо воодушевляющего идеала.

Россия в силу специфики ее исторического существования больше, чем иные страны, сталкивается с современными вызовами и проблемами, поэтому и страдает от них значительно сильнее. Тем не менее ее положение не уникально. Глубокие перемены, происходящие в нашей стране, являются лишь частными, специфическими проявлениями процессов, идущих во всем мире и связанных с переломным характером современной эпохи, порождающим неопределенность, идейную разноголосицу

и ощущение тупика. Указания на данное состояние являются чуть ли не повсеместными. В этом контексте все чаще звучат голоса, выражающие не только тревогу, но и стремление к переосмыслению прежних способов мышления, отношения к реальности и поиску иных способов бытия. Весьма показательным является мнение известного ученого, социолога И. Валлерстайна: «Мне кажется, что мы бродим по темному лесу и не вполне понимаем, в каком направлении следует идти. Думаю, что нам необходимо как можно скорее обсудить это всем вместе, и подобная дискуссия должна стать поистине всемирной» [Валлерстайн 2004]. И он же: «Мне представляется, что социум первой половины XXI века по своей сложности, неустойчивости и вместе с тем открытости намного превзойдет все, виденное нами в веке XX-м» (см.: [Вдовина 2012, 42]).

Утопия как выход из идейного вакуума

В ситуации исторической неопределенности для того, чтобы выжить и успешно развиваться, государство, с одной стороны, должно иметь адекватные знания об окружающем внешнем мире и собственной цивилизационной сущности, а с другой – продуцировать концепции, которые выходят за пределы эмпирической данности, возвышаются над ней и намечают вдохновляющие перспективы. Такую роль обычно выполняют идеологии, представляющие некую идейно-мировоззренческую картину, основанную на ценностях и идеалах, помогающих человеку или социальной группе лучше ориентироваться в окружающей действительности, иметь мысленный образ цели коллективной деятельности. Поэтому ни одно современное государство не обходится без идеологии, пусть не в своем классическом виде, не в форме цельной теоретически обоснованной доктрины, а рассредоточенной в разных идейно-политических дискурсах. В России – с этим все сложнее. Идеология официально запрещена статьей 13 Конституции, тем не менее дискуссии по поводу идеологии, ее необходимости для государства время от времени возникают в публичном пространстве и научных публикациях. При этом отношение к вопросу государственной идеологии в российском обществе неоднозначно и колеблется в зависимости от того или иного ее толкования: от признания ее положительной роли для жизнедеятельности государства до резкого неприятия как атрибута тоталитарного общества, ассоциирующегося с СССР.

Поскольку время для идеологии, которая есть сложное, многозначное и многомерное явление, не сводимое к какой-либо определенной доктрине, еще не пришло в силу указанных причин и недостаточной консолидации российского общества, имеет смысл обратиться к другому концепту, обладающему большой эвристической силой и переживающему сейчас некий – пока еще мало заметный – ренессанс. Речь идет об утопии. Это кажется довольно парадоксальным, ибо в наш сугубо рациональный, прагматичный век, казалось бы, настало время окончательно выбросить понятие утопии из арсенала научно-теоретического и философского знания, сопровождавшего человечество на всем протяжении истории. Однако не все так просто. Как оказалось, сугубо рациональный подход не позволяет увидеть возможности России, требующие полета опережающей социально-теоретической мысли и направленные на совершенствование общественной жизни. Еще французский философ П. Рикер в своих «Лекциях об идеологии и утопии» вопреки общепринятым взглядам провидчески оценивал как большое заблуждение мысль о том, что люди могут когда-нибудь отказаться от идеологии и утопии, поскольку и та и другая являются непременной функциональной частью механизма смыслотворения в культуре и дополняют друг друга [см.: Вдовина 2012, 42].

Реальность подтверждает справедливость его утверждений. Несмотря на то, что современная философия не очень щедра на исследования, посвященные утопии, ее наиболее видные представители проницательно замечают те возможности, которые она предоставляет, особенно в периоды кризисов, неопределенности и всеобщей дезориентации. Обращение утопии к неопределенности – это и новый гносеологический вызов, и осознание того, что неопределенность тоже содержит некий потенциал. Поскольку ничто не закреплено определенными рамками и не зафиксировано в жестких доктринах, будущее в условиях неопределенности предстает как веер разных возможностей для возникновения нового, в том числе движения к более справедливому миру. В конечном счете утопия способствует снижению уровня неопределенности. Понимание позитивной роли утопии дало основание Валлерстайну говорить об утопистике как перспективном направлении социально-философского исследования: «Возможное богаче реального. Кто лучше обществоведов может знать это? Почему мы так боимся обсуждать возможное, анализировать и исследовать

его? Нам следует поместить не утопию, но утопистику в центр обществоведческих исследований, их ограниченности и препятствий, мешающих их воплощению. Утопистика воплощает в себе постоянную ответственность обществоведов. Потребность в ней ощущается особенно остро, когда набор альтернатив максимален» [Валлерстайн 2004, 287]. В духе Валлерстайна высказываются и другие западные ученые, т.к. позитивное отношение к утопии в целом свойственно Западу, несмотря на наличие противоположных позиций.

В постсоветской России утопия оценивалась сугубо негативно в связи с крушением коммунистического проекта, вызвавшего большое разочарование в обществе, а также из-за понятийного смешения утопии и утопизма с его упрощенной моделью мира и огрублением реальной истории [Павленко 2014, 99]. Например, Е. Черткова отмечает: «Законное стремление преодолеть утопизм с его радикализмом, нигилизмом и фанатизмом вылилось в огульное отрицание какого-либо позитивного смысла утопии как обладающей специфическими задачами и социальными функциями. Такой подход равносилен попыткам преодолеть сциентизм и техницизм путем искоренения науки и техники» [Черткова 2015, 190]. Перелом в негативном отношении к утопии в России обозначил и очень убедительно обосновал видный российский ученый, академик РАН А.А. Гусейнов в своей знаковой статье «Философия как утопия для культуры» [Гусейнов 209, 11–16]. Эта статья задает методологические и концептуальные рамки для понимания роли утопии как в философии, так и в других сферах общественного бытия, в том числе социально-политической. Он показал, что, по существу, всякая философия, выходящая за пределы эмпирической данности, является утопией, ибо она создает идеальный образ мира, задавая тем самым также ориентиры осознанного и осмысленного существования человека в нем. Без утопии, понимаемой в качестве идеальной перспективы, невозможно не только развитие философии, но и соотнесенных с ней социальных теорий, а также вытекающих из них социальных действий.

Однако не только философия оказалась в кризисе из-за того, что сама отказалась от метафизики и прорыва к трансценденции, от «конструирования идеальных моделей человека и общества» [Гусейнов 20096, 16]. С этой же проблемой столкнулось и современное общество, не выдвинувшее никакой привлекательной цели и идеала в качестве перспективы, что наблюдается и на

Западе, и в России. Как отмечает Гусейнов: «Складывается впечатление, что общество собирается привыкать к укороченности и несовершенству земного существования» [Гусейнов 2009б, 16], т.е. смириться со всеми изъянами и несправедливостями бытия. Об этом же пишут многие видные западные ученые: Э. Гидденс, Дж. Роулз, З. Бауман, У. Бек и др.

Россия, воспринявшая многие проблемы Запада, в своем глубинном, духовном смысле не является «Западом», но нельзя забывать, что она получила мощную западную прививку сначала благодаря социализму, который есть духовное дитя западного рационализма и капиталистической западной индустриализации. Затем эта тенденция еще более усилилась в «новой» России: политическая сфера, экономика, сфера культуры и образования сформированы по западным лекалам и находятся под большим влиянием Запада. В некотором смысле и Запад, и Россия стоят перед схожими вызовами и начинают демонстрировать пока еще не очень заметные симптомы реабилитации утопии в качестве идеальной и желаемой формы социальной реальности. Чтобы понять причину этого явления, необходимо хотя бы кратко напомнить историю утопии.

Роль утопии в истории человечества

Прежде всего следует отметить, что утопия занимала не просто большое место в истории западноевропейского общества, но постоянно сопутствовала ему, отражая светлую мечту о лучшем мире, об идиллических состояниях общества. Ибо, справедливо пишет А. Селиванов: «Лишь великие смыслы и цели по-настоящему раскрывают человека, организуют человека и его бытие, создают основания и мотивацию для морали, понастоящему оправдывают человека как нечто отличное от иной (в том числе живой) природы» [Селиванов 2016, 803]. В обыденном языке слово «утопия» употребляется в основном в негативном смысле как нечто нереализуемое, фантастическое, несбыточное, никак не согласующееся с реальной действительностью. Однако социально-политическое развитие обществ и социальная активность людей часто не соответствовали отрицательному пониманию этого термина. В социально-политической истории можно найти примеры того, как некоторые доктрины, объявленные утопическими, воплощались в жизни и оказывались вполне практичными. Теоретизация подобных фактов позволила известному

специалисту в области исследования утопии, профессору социологии Бристольского университета Р. Левитас прийти к заключению, что «узкие определения "утопии" с точки зрения содержания, формы или функции нежелательны» и что «любое определение должно быть способно включать широкий спектр форм, функций и содержания» [Levitas 1990, 179]. Поэтому определение утопии должно включать в себя предикацию желания, «желание другого, лучшего способа бытия» [Levitas 1990, 181]. Чтобы понять роль утопии сегодня, необходимо понять ее прошлое, выяснить, почему она возникла и какие идеи несла [Thinking Utopia... 2005].

Со времен глубокой древности утопии существовали как своеобразный вид литературно-художественного творчества и социального проектирования, проявляясь в самых разнообразных формах и жанрах, но с непременным стремлением создать образ желаемого бытия в противоположность существующему. Это и мечты о «золотом веке» у древнегреческих поэтов Гесиода и Гомера, и различные религиозно-этические учения. Достаточно сильно элементы утопии проявились в христианстве с его представлением о рае, в сочинениях Августина «О граде божием». Утопия была широко распространена не только в литературе, но и в политических учениях. Объем произведений, которые могут считаться утопическими, настолько велик, что не поддается никакому количественному определению. Многие из этих книг давно преданы забвению и известны только библиофилам, но сам факт их существования очень красноречив и свидетельствует о большой значимости утопии. К наиболее известным ранним утопическим произведениям относят и «Государство» Платона (360 г. до н.э.), в котором он предпринял попытку сформулировать основные принципы идеального государственного устройства. Как полагают некоторые исследователи, вся последующая утопическая литература представляла собой ничто иное как интерпретацию и комментарий к этому знаменитому сочинению.

В эпоху Возрождения завершается древний период в истории утопий и начинается новый период, связанный с возникновением классических утопий. Он ознаменовался появлением эпохальной книги английского гуманиста и государственного деятеля Томаса Мора, получившей широкое распространение под названием «Утопия» (1516). Значимость данной книги обусловлена тем, что именно она задала основное направление и специфические черты содержанию классической утопии: критическое отношение

к существующему порядку и его отрицание, ориентацию на воображаемый идеальный мир. Тем самым она оказала заразительное действие на многих мыслителей, которые после Мора пытались методом умозрительной конструкции создать законченный проект идеального государства. Так появились «Город солнца» Т. Кампанеллы, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона и многие другие.

Но история двигалась вперед, следовательно, зарождались новые утопии, соответствующие духу, времени и месту, где они формировались, отражая характер и особенности, породившей их культуры. Особого расцвета утопия достигла в эпоху индустриального общества, где наиболее полно проявились ее устойчивые, инвариантные черты, воплощавшие в себе все интеллектуальные достижения того периода: рационализм, универсализм, прогрессизм, более детализированное представление об идеале, упование на возможности развития техники и т.д. К концу XVIII – началу XIX в. благодаря работам таких мыслителей, которые в ретроспективе характеризуются как «ранние социалисты», – Шарлю Фурье, Клоду Анри де Сен-Симону, Роберту Оуэну – окончательно сформировалась идея социализации общественной жизни. Исходным пунктом их рассуждений была резкая критика капитализма и противопоставление ему различных проектов идеального строя. Вместе с тем было и немало сторонников социализма, видевших в нем осуществление не рациональных теоретических проектов, а заповедей Христа или предписаний общечеловеческой морали. С течением времени к утопии стали относить любые идеальные проекты общественного переустройства.

Является ли утопия сугубо европейским явлением или она имеет место и в других странах? Единого мнения на этот счет нет. Крайняя позиция заключается в том, что утопия — это европейский феномен, который берет свое начало от творения Т. Мора. Но есть и противоположная точка зрения, высказанная Л. Сарджентом, находившим утопии во многих странах. По его мнению, «не всякая культура порождает утопию как теоретический феномен, предшествующий человеческому действию, подобно "Утопии" Мора, но утопии существуют повсюду: в Китае, Индии, разнообразных буддийских и исламских культурах» [Utopia... 2000].

История России тоже очень богата на всевозможные утопические представления и учения, воплощенные в разнообразных жанрах от литературных до политических. Под влиянием европейских социалистических концепций сформировались социо-

гуманитарные взгляды многих русских мыслителей XIX в., которых принято считать утопическими социалистами. Это Чернышевский, Белинский, Герцен, Огарев, Ткачев, Лавров, Кропоткин. Тема кризиса цивилизации и конца истории были свойственны русской культуре первой трети XX в. [Утопия... 2016]. Но в целом различные формы утопии XIX — начала XX вв. следует рассматривать в их взаимной соотнесенности, понимая утопию прежде всего как социокультурный феномен [Пономарева 1999]. Российские утопии внесли большой вклад в развитие утопистики. Об этом свидетельствуют как отечественные, так и зарубежные исследователи, помогающие понять место России в истории, ее видение будущего, отношения с Европой [Русская утопия... 2013].

Краткое изложение истории утопии представляется целесообразным завершить словами польского ученого Е. Шацкого, который, на наш взгляд, выразил ключевую мысль относительно сущности утопии и ее непреходящего значения для истории человечества: «Можно было бы поочередно представить утопии различных эпох как их законные детища. Но трудность такого изложения заключается в том, что это, в сущности, было бы изложение истории человеческой мысли – полное, хотя и написанное под определенным углом зрения. Следует также заметить, что в таком случае легко потерять из виду то немаловажное обстоятельство, что некоторые мотивы утопического мышления отличаются удивительным постоянством, верно сопутствуя человечеству чуть ли не с самого начала исторической эпохи вплоть до нашего времени» [Щацкий 1990, 49].

«Умерла» ли утопия?

Тем не менее, западный мир в течение уже более полувека демонстрировал совершенно *новое явление* в истории обществ – появление своего рода декомпрессии от любой ориентации на будущее, от протеста ради видения лучшей жизни. Если в рамках движения сопротивления, начиная со времен Французской революции, окрыленные люди представляли себе картины будущего устройства общества: одни думали о разрушении машин, другие о коммунах Р. Оуэна, третьи – о движении советов или о коммунистическом идеале бесклассового общества, то в последние десятилетия XX и начала XXI вв. поток утопической мысли вдруг оказался прерванным. Современные люди знают

довольно точно, чего они не хотят и что их возмущает в существующих социальных отношениях, однако не имеют и малой доли ясного представления о том, куда должно вести желаемое преобразование.

Вместо этого на официальном уровне предлагалось довольствоваться тем, что давал капиталистический порядок, обещавший наступление счастья и процветание благодаря науке. экономическому росту и обладавший к тому же богатым инструментарием для нейтрализации стремления к другим формам человеческого существования. Утопия при этом если и была еще возможна, то лишь в латентном, потенциальном состоянии, а ее влияние было чрезвычайно ограничено. Западные исследователи в свою очередь констатировали отказ общества от мечты, а значит, от утопий, объявленных пережитком минувших веков. Была провозглашена даже смерть утопии, направленной на совершенствование общества, под ней в основном подразумевалась социалистическая идея. Этому в немалой степени способствовало явное господство позитивизма, который препятствовал любым проявлениям метафизического и трансцендентного обоснования будущего, а также фактическое отсутствие философской альтернативы ему. В результате стали появляться работы с характерным названием «Конец утопии». Можно назвать «Конец утопии» Г. Маркузе (1970), в России книгу М. Капустина «Конец утопии? Прошлое и будущее социализма» (1990). Американский критик культуры и бывший маркузианец Р. Джекоби в книге «Конец утопии» констатировал отсутствие привлекательных политических идей в век близорукого прагматизма, сетовал на исчезновение веры в будущее, крах самого утопического импульса, отказ от универсализма и замену их практицизмом и цинизмом. Его очень интересовал вопрос о том, почему интеллектуалы все чаще стали отказываться от идеи «полного социального переустройства», от надежд на «полностью трансформированное» общество [Jacoby 1999]. Подобные идеи высказываются и во многих других работах [Vieira 2016], где констатируется, что нынешние технократические демократии - один из примеров политики безнадежности, которая является своего рода бизнесом и сводится всего лишь к управлению статусом-кво. Дискутируются вопросы о том, какова роль утопии в период, когда доминируют сценарии мрачных кошмаров [The Philosophy... 2001].

Современный ответ на вопрос о причинах «смерти утопии» попытался дать продолжатель традиций критического теории Франкфуртской школы, директор франкфуртского Института социальных исследований Аксель Хоннет в своей книге «Идея социализма» [Хоннет 2017]. По его мнению, внезапное снижение утопической энергии, исчезновение утопий из современного контекста на протяжении долгого времени – явление неоднородное, имеющее разные причины. Ученый не согласен с тем, что в качестве причины можно назвать крушение коммунистического режима, на который интеллектуальные круги охотно указывают, чтобы объяснить утрату всех надежд на создание общества вне рамок капитализма. Возмущенные массы европейцев, сегодня справедливо жалующихся на растущую пропасть между всеобщей бедностью и частным богатством, не располагают конкретными представлениями о лучшем обществе не только потому, что, по их мнению, государственный социализм советского типа дарил социальные блага только ценой несвободы. До русской революции не существовало реальной альтернативы капитализму, но это ни в коем случае не мешало людям XIX в. мыслить совместную жизнь без насилия на основе солидарности и справедливости. А значит, неправомерно крах коммунистического режима связывать сегодня с атрофией способности к утопическому преодолению существующего положения.

Несомненно, атрофии утопий в немалой степени способствовал период усиления глобализации, которая не оставляла места для надежды на преобразование общества, разрушая все идеалы. Большую роль сыграло сопутствующее глобализации господство постмодернизма, прежде всего в искусстве и архитектуре, а также в культуре в целом, которое привело к внезапному изменению коллективного сознания времени и упорному обесцениванию представления о линейном прогрессе, характерного для Модерна. Вместо него возобладало сознание исторической вечности и повторяемости одних и тех же ситуаций. На основе постмодернистского понимания истории образы лучшей жизни уже не могли больше появляться, ибо постмодернистское сознание отвергает будущее постоянное совершенствование. Для постмодернизма грядущее будущее есть нечто, которое не способно предложить ничего другого, кроме простого проигрывания уже привычных форм или социальных моделей прошлого. Однако Хоннет замечает, что в других сферах, например, в медицине или в области

прав человека, наблюдается прогресс, что позволяет сомневаться в достоверности такого объяснения. Почему же только в одной сфере, к которой относится реформируемость общества, задается вопросом Хоннет, проявляется недостаток трансцендентных возможностей, хотя других сфер это не касается?

Следующее объяснение базируется на том, что в рамках существующей политической системы произошла блокировка извечного стремления к перестройке базисных институтов общества благодаря интернационально санкционированным и структурно нейтральным правам человека, в которых признается прогресс, связанный именно с расширением прав индивида, что вполне лежит в русле индивидуализма как господствующего принципа западной культуры. Соответственно, общественно-политическая материя сегодня больше не нагружается утопическими ожиданиями, а утопическая сила ослабевает. Приглядевшись к настроениям большей части населения, можно ясно заметить, что едва ли кто-нибудь в состоянии сегодня свое неудовольствие социальноэкономическими обстоятельствами относительно растущей пропасти между бедностью и богатством или непостоянством отношений занятости связывать с возможностью изменения к лучшему в обозримое время. Присущая человеку неискоренимая потребность в надежде на лучшую жизнь не находит в социальной действительности ни малейшего признака, который позволил бы обосновать мотивированное видение фактической достижимости ожидаемого.

Однако после долгого периода третирования утопии и объявления о ее «смерти», как впрочем, и неоднократно провозглашаемой «смерти идеологии», вдруг начинают появляться первые признаки ее реабилитации, пока еще не очень многочисленные и не всегда принятые и поддержанные в научном мире, но весьма многозначительные. Это вполне закономерно, ибо длительное отсутствие образа желаемого будущего, включающего жизнеобразующие смыслы для разных социальных групп и индивидов, противоречит природе общества и человека. Как верно замечает Е. Черткова, «утопия есть не просто явление сознания, но неотъемлемая часть культуры, цивилизации» [Черткова 2000, 299]. Эту мысль высказывают многие исследователи, и она уже стала почти аксиомой.

Утопия психологически катапультирует человека за пределы его привычного бытия, сигнализируя об отсутствии хорошего,

привлекательного настоящего. Тем самым она удовлетворяет потребности человеческого сознания в стремлении к гармонии с окружающим миром, к более интересному и захватывающему будущему. Это возвышает его и облагораживает, в противном же случае, человек направляет свои усилия на низшие цели, т.е. человек без утопии, как говорил английский писатель Честертон, страшнее, чем человек без носа.

Кроме того, возрастающая скорость изменения окружающей социально-политической среды вынуждала политиков искать более приемлемые способы управления социальными и политическими процессами, которые, как им кажется, они находят в прагматизме. Но как показывает практика многих стран, современная прагматическая политика отвечает только на один вопрос: как лучше всего не решать большие проблемы, связанные с движением общества в достойное будущее. Прагматизм считает большие проблемы принципиально неразрешимыми и в этом смысле прагматики являются худшими утопистами, поскольку считают, что все может оставаться таким, какое оно есть, тем самым консервируя застой и тупик, в котором оказалось общество.

Утопия возрождается

Из этого тупика, ощущение которого стало повсеместным, остается только один выход — снова обратить свой взор в сторону утопии. Как свидетельствует история, утопия чрезвычайно устойчивое явление сознания и бытия человека, хотя в разные эпохи утопии проявляют себя по-разному. Без утопии нет современного общества, ибо оно невозможно без какого-либо ориентира, указывающего ему, куда может прийти общество, если оно пойдет по тому или иному пути. Именно поэтому один из самых авторитетных в мире социологов и философов 3. Бауман на протяжении многих лет проявлял живой интерес к теме утопии, рассматривая ее, с одной стороны, как важную и неистребимую константу в человеке и в мире, как нечто, создающее обнадеживающую возможность для лучшего мира, но, с другой стороны, был озабочен попытками превратить утопию в «проект» или «конкретную реальность» [Ваштап 2003].

Наиболее активно утопии проявляют себя в переходные эпохи, т.е. в периоды кризиса, когда нарушается равновесие мира и он движется в непредсказуемом направлении, угрожая политическими, социальными и нравственными потрясениями, как это

происходит в настоящее время. Когда тревожный характер современной ситуации ощущается каждым, утопия помогает понять, в какой политической ситуации оказалось общество и какой выход из нее можно найти, — вот ключ и отгадка современных попыток реабилитации утопии. Гусейнов резюмировал это положение в другой своей статье: «Говоря точнее, новое время требует новых утопий» [Гусейнов 2009а, 27].

В самом деле, все новое в истории состоит из реализованных в той или иной мере утопий. Утопии всегда имеют время (будущее как завершенное прошлое), но не всегда имеют место ($o\dot{v}$ $\tau \delta \pi o \varsigma$). Но порой в истории случается так, что то, что еще не имело места, в конце концов получает его, ибо утопии как бы витают в воздухе (вариант: призрак бродит по Европе), пока не спустились на твердую землю и не укоренились в ней. Судя по всему, лучшую часть человеческого духа составляет не то, что он знает и рационально осмысливает, а то, что в нем мерцает, заманивает, намекает и не позволяет полностью воплотиться в эмпирическом бытии.

Можно указать на два рода утопий, которые в современном мире подвергаются существенному преображению, но попрежнему стремятся представить образы лучшего мира, способные получить в обществе признание или быть им отвергнутыми. Один род утопий, в частности в ФРГ, основывается на небывалых возможностях науки, техники и рациональной организации общества. Такая утопия представлена в книге с говорящим названием «Вперед! Конструктивный утопизм» [Joensson 2007]. Главный ее мотив – разумная организация, которая как бы замещает отсутствующий трансцендентный утопический идеал и восполняет его нетрансцендентным. В этой книге автор пытается ответить на вопрос: возможно ли сконструировать реалистическую утопию, основанную на сугубо научном, рациональном подходе? Эту задачу он решает так, как инженер решает любую проблему, т.е. стремится каждый шаг и каждый ход мысли объяснять таким образом, чтобы любой человек мог согласиться со всеми его построениями и относительно сделанных выводов задать соответствующие вопросы. Однако данную работу нельзя отнести к классической утопии, она представляет лишь рациональную модель организации общества, коих немало.

Другой, более современный подход реализовал Аксель Хоннет в уже упомянутой книге «Идея социализма». Излагая видение нового общественного устройства (во многом идеального),

он называет его за неимением другого определения социалистическим, радикально отличающимся от советского варианта. Впрочем, понятие «социализм» стало сегодня достаточно абстрактным, допускающим самые разные толкования, что и демонстрирует Хоннет. Автор развертывает свое понимание социализма с преимущественным акцентом на нравственно-гуманистические принципы как на уровне конкретной личности, так и на уровне общества.

Критикуя ранних социалистов XIX в. (Р. Оуэн, Ш. Фурье, А. Сен-Симон, Л. Бланк, П.-Ж. Прудон) за их акцент главным образом на экономической сфере, он, по существу, создал новую классическую утопию, но вместо экономики в качестве базового понятия выдвинул «свободу». Социальная свобода является для него конститутивной и пронизывает все содержание книги как значимый общественный идеал. Чтобы социальная свобода в будущем смогла стать точкой поворота и осью всех практических усилий, внутри современного общества предполагается определить институциональное место для реализации свободы. В качестве такового он указывает на наступившие социальные улучшения и институциональные достижения, как, например, демократическое волеизъявление, а также те сферы человеческой жизни, на которые не обращал внимание ранний социализм, – сферы любви, брака и семьи.

Разумеется, Хоннет как трезвомыслящий ученый, отдает себе отчет в сложности реализации нарисованной им картины социализма, ибо современная действительность почти не оставляет никаких надежд на практическое воплощение его теоретических построений. По его признанию, большая часть населения охвачена сегодня настроениями безнадежности, парализующей неуверенности, безволия и малодушия, а заложенная в природе человека неискоренимая потребность в надежде на улучшение современного состояния, не находит в окружающей реальности никакого подкрепления. Автор, похоже, и сам не вполне верит в возможность наступления проектируемого им социализма, но надежда у человека всегда должна быть. В поисках основания для надежды Хоннет обращается к некоторым элементам «философии надежды» Э. Блоха, а также философии Канта. Предлагается объединить воспоминания об успешных шагах, предпринятых для улучшения социального положения в прошлом, и надежду на то, что это снова может повториться в будущем. Экстраполяция таких ожиданий на наше время, следовательно, означала бы, что при всей непрозрачности мировых исторических событий, в них все-таки обнажается некая линия морального прогресса, обладающая суггестивной силой придать людям уверенность в ее продолжении. По мнению Хоннета, это единственное средство, которым мы располагаем сегодня, чтобы еще раз воспламенить надежду в безнадежные времена. В целом, автор воспроизводит в этой книге все основные черты классической утопии: критицизм, наличие идеала, субъективизм.

А как обстоит дело с утопиями в России? Пожалуй, в этом плане можно упомянуть некоторые публикации, издаваемые под эгидой фонда «Альтернативы» и журнала с одноименным названием. Далеко не все их публикации можно отнести к жанру утопии, ибо они сугубо рационалистичны, а их проекты обосновываются чисто теоретическими аргументами. Но некоторые из них, например, книгу «Культура. Поиски будущего. Навигация — Маяковский» [Культура... 2014] можно отнести к утопии, ибо в ней красной нитью проходит мечта о будущем, показывается ее роль в становлении советского государства, когда, несмотря на тяжелейшие условия 1920-х гг., голод и холод, люди мечтали о будущем, были устремлены в будущее и созидали его. В противоположность этому, человек ХХІ в., оснащенный всеми достижениями современной цивилизации, творить будущее не стремится, не может или боится.

Заключение

Таким образом, утопия является важным свидетельством состояния общественного сознания, рефлексией многих кризисных явлений в обществе и в то же время помогает обрести высшую цель жизни. В отсутствие общепринятых идеологических представлений утопия как изначальная форма общественного сознания могла бы формировать предпосылки для создания идейной базы, без которого невозможно существование ни одного государства. И самое главное: ее основное качество – быть мечтой и неугасающей надеждой на достижение лучшего будущего, дает ей возможность на основе сочетания всех присущих человеку способностей как рациональных, так и интуитивных, чувственных, внести свой вклад в выдвижение проектов будущего, чтобы в процессе дискуссии и отбора найти наиболее благоприятные модели развития общества.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Валлерстайн 2004 - Валлерстайн И. Конец знакомого мира: социология XXI века / пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. — М.: Логос, 2004.

Вдовина 2012 — *Вдовина И.С.* «Философия жизни» Поля Рикера // Западная философия конца XX — начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции. — М.: ИФ РАН, 2012. С. 28—52.

Гусейнов 2009а — *Гусейнов А.А.* Еще раз о возможности глобального этоса // Век глобализации. 2009. N 1. С. 16—27.

Гусейнов 2009б — *Гусейнов А.А.* Философия как утопия для культуры // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 11–16.

Культура... 2014 — Культура. Поиски будущего. Навигация-Маяковский / под ред. Л.А. Булавки-Бузгалиной. — М.: КомКнига, 2014.

Павленко 2014 — *Павленко А.Н.* Простота русского простора. — СПб.: Алетейя, 2014.

Пономарева 1996 — Пономарева Г.М. Утопия и утопическое сознание в контексте русской культуры XIX — начала XX века / дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.03. — М., 1996.

Русская утопия... 2013 — Русская утопия в контексте мировой культуры / сост. и предисл. В.П. Шестакова. — СПб.: Алетейя, 2013.

Селиванов 2016 — *Селиванов А.И.* Развитие объектов. Наука управления будущим. — М.: Алгоритм, 2016.

Утопия... 2016 — Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма / под ред. О.А. Богдановой и А.Г. Гачевой. — М.: Индрик, 2016.

Черткова 2000 — *Черткова Е.Л.* Притяжение идеала. О природе утопического сознания // Альтернативные миры знания. — СПб.: Изд-во РХГИ, 2000.

Черткова 2015 — *Черткова Е.Л.* Утопия как «философский проект» // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 190–201.

Шацкий 1999 — *Шацкий Е.* Утопия и традиция. — М.: Прогресс, 1990.

Bauman 2003 – *Bauman Z.* Utopia with no Topos // History of the Human Sciences. 2003. Vol. 16. No. 1. P. 11–25.

Honneth 2017 – *Honneth A.* Die Idee des Sozialismus: Versuch einer Aktualisierung. – Berlin: Surkamp, 2017.

Joensson 2007 – *Joensson F.* Auf geht's! Konstruktiver Utopismus. – Morrisville, NC: Lulu.com, 2007.

Jacoby 1999 – *Jacoby R*. The End of Utopia: Politics and Culture in an Age of Apathy. – New York: Basic Books, 1999.

Vieira 2016 – *Vieira P.* Is Ours a Post-Utopia World? // The Philosophical Salon. November 28, 2016. – URL: https://thephilosophicalsalon.com/517-2/

Р.И. СОКОЛОВА. Реабилитация утопии как симптом кризиса российской...

Levitas 1990 – *Levitas R.* The Concept of Utopia. – Syracuse, NY: Syracuse University Press, 1990.

Thinking Utopia... 2005 – Thinking Utopia: Steps into Other Worlds / ed. by J. Rüsen, M. Fehr, N.W. Rieger. – New York: Berghahn Books, 2005.

The Philosophy... 2001 – The Philosophy of Utopia / ed. by B. Goodwin. – London: Routledge, 2001.

Utopia... 2000 – Utopia: The Search for the Ideal Society in the Western World / ed. by R. Schaer, G. Claeys, L.T. Sargent. – New York: Oxford University Press, 2000.

REFERENCES

Bauman Z. (2003) Utopia with no Topos. *History of the Human Sciences*. Vol. 16, no. 1, pp. 11–25.

Bogdanova O.A. & Gacheva A.G. (2016) *Utopia and Eschatology in the Culture of Russian Modernism*. Moscow: Indrik (in Russian).

Bulavka-Buzgalina L.A. (Ed.) (2014) *Culture. Search for the future. Navigation – Mayakovsky.* Moscow: Komkniga (in Russian).

Chertkova E.L. (2000) The Attraction of the Ideal. On the Nature of Utopian Consciousness. In: *Alternative Worlds of Knowledge*. Saint Petersburg: RKhGI Press (in Russian).

Chertkova E.L. (2015) Utopia as a "Philosophical Project." *Voprosy filosofii*. 2015. No. 5, pp. 190–201 (in Russian).

Goodwin B. (Ed.) (2001) The Philosophy of Utopia. London: Routledge.

Guseynov A.A. (2009a) Once Again on the Possibility of a Global Ethos. *Age of Globalization*. 2009. No. 1, pp. 16–27. (in Russian).

Guseynov A.A. (2009b) Philosophy as a Utopia for Culture. *Voprosy filosofii*. 2009. No. 1, pp. 11–16 (in Russian).

Honneth A. (2017) *Die Idee des Sozialismus: Versuch einer Aktualisierung.* Berlin: Surkamp (in German).

Jacoby R. (1999) *The End of Utopia: Politics and Culture in an Age of Apathy*. New York: Basic Books.

Joensson F. (2007) *Auf geht's! Konstruktiver Utopismus*. Morrisville, NC: Lulu.com (in German).

Levitas R. (1990) *The Concept of Utopia*. Syracuse, NY: Syracuse University Press.

Pavlenko A.N. (2014) *Simplicity of Russian Space*. Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Ponomareva G.M. (1996) *Utopia and Utopian Consciousness in the Context of Russian Culture of 19th – early 20th century* (dissertation). Moscow (in Russian).

Rüsen J., Fehr M., & Rieger N.W. (Eds.) (2005) *Thinking Utopia: Steps into Other Worlds*. New York: Berghahn Books.

Schaer R., Claeys G., & Sargent L.T. (Eds.) (2000) *Utopia: The Search for the Ideal Society in the Western World*. New York: Oxford University Press.

Selivanov A.I. (2016) *Development of Objects. The Science of Future Management*. Moscow: Algorithm (in Russian).

Shestakov V.P. (2013) *Russian Utopia in the Context of World Culture*. Saint Petersburg: Aletheia (in Russian).

Szacki J. (1990) *Utopia and Tradition*. Moscow: Progress (Russian translation).

Vdovina I.S. (2012) "Philosophy of Life" of Paul Ricœur. In: *Western Philosophy of the Late 20th – early 21st century. Ideas. Problems. Trends* (pp. 28–52). Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Vieira P. (2016, November 28) Is Ours a Post-Utopia World? *The Philosophical Salon*. Retrieved from URL: https://thephilosophicalsalon.com/517-2/

Wallerstein I. (1999) *The End of the World as We Know It: Social Science for the Twenty-first Century* (Russian translation: Moscow: Logos, 2004).